М. М. ГУХМАН

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. В зарубежном языкознании последних десятилетий отмечается возрождение интереса к теоретической проблематике, длительное время находившейся на периферии лингвистической науки или даже почти забытой. Так было с социологией языка и типологией, быть может, еще в большей степени это положение относится к кругу вопросов, связанных с проблемой универсалий. Пробуждение интереса к универсалиям и типологии отнюдь не было случайным. Оно связано с поворотом от эмпирики дескриптивизма и близких ему течений к более широкой проблематике общей теории языка, наметившимся в зарубежной, особенно американской, лингвистике. В предисловии к сборнику «Universals in linguistic theory» редакторы отмечали потерю у американских языковедов интереса к простому описанию отдельных языков, если при этом не выясняется значение полученных фактов для общей лингвистической теории¹. Подобно тому, как усиление интереса к социологии языка явилось своеобразной реакцией против длительного господства направлений, рассматривавших языковые процессы в полной изоляции от экстралингвистических факторов, так и обращение к универсалиям было антитезой основной тематике, разрабатывавшейся в предыдущие десятилетия преимущественно дескриптивистами США, а также учеными других стран, примыкавшими к этому направлению. В. Чейф в одной из своих монографий², полемизируя с лингвистами иельской школы, противопоставляет изучение универсалий концепциям, согласно которым «языки могут безгранично отличаться друг от друга, причем различие это непредсказуемо»³.

Показательной в этой связи была сама организация еще в 1961 г. специальной конференции по универсалиям, материалы которой вошли в известный сборник под редакцией Дж. Гринберга. Сборник сыграл определенную роль в популяризации самой тематики и привлечении к ней внимания языковедов разных школ и направлений.

За относительно короткий период появился не один десяток работ, посвященных универсалиям. Универсалии обнаруживали или пытались обнаружить на всех уровнях языка; в зависимости от интересов и вкусов исследователей к ним относили признаки разной степени обобщенности: семантические категории разной значимости, фонологические явления, нередко довольно частные, общие характеристики языка, ставшие уже тривиальными⁴.

¹ «Universals in linguistic theory», ed. by E. Bach, R. Harms, New York, 1968.

² W. L. Chafe, Meaning and the structure of language, Chicago, 1971, стр. 6; ср. также несколько более осторожные высказывания Дж. Гринберга: Y. H. Greenberg, The role of typology in the development of a scientific linguistics, «Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages», Budapest, 1970, стр. 12.

³ Ср.: M. J. Os, (ed.), Readings in linguistics, 1, 4 ed., Chicago, 1966.

⁴ См. по этому поводу замечания Б. А. Серебrenникова в статье «О лингвистических универсалиях», ВЯ, 1972, 2.

Построение последовательной и единой классификации даже так называемых полных универсалий, выделявшихся в разных исследованиях, практически невозможно; слишком пестр и неоднороден их состав. К «полным универсалиям» относили: 1) номенклатуру основных единиц; 2) некоторые процессы, широко представленные в разных языках (метатезу, ассимиляцию, смысловое «выветривание»); 3) разные типы отношений, действующие в процессе функционирования языка (противопоставление нового и данного на уровне актуального членения предложения, маркирование говорящего и адресата высказывания, производителя признака и т. д.); 4) определенные типы значений (атрибутивность, указание на место действия и т. д.); 5) онтологические признаковые характеристики языка. Разные по своей емкости универсалии выделяют как содержательные, так и формально-строєвые категории. Еще в большей степени разноплановы и разнокалиберны универсалии, которые относятся к классу «неполных или импликационных универсалий».

Очевидно, пестрота в декларируемых наборах универсалий отражает определенную неустойчивость и расплывчатость самого понятия. И если включение этой проблемы в основную тематику XI Международного конгресса лингвистов свидетельствует о широком интересе к универсалиям, то стремление авторов статей, опубликованных в «Preprints»⁵, уточнить содержание этого понятия, отграничив его от сходных объектов и определив методику обнаружения и описания универсалий, по-видимому, показательны для состояния разработки основных вопросов, относящихся к этой сфере исследований.

Вместе с тем, знакомство с многими работами по универсалиям позволяет заметить, что здесь, частично в новых терминах, излагаются идеи, неоднократно высказывавшиеся в значительно более ранних исследованиях, преимущественно советских и чешских ученых. Как это ни парадоксально, но повторяется ситуация, характерная для исследований по социологии языка⁶. Что касается универсалий, особенно логико-семантического плана, то вопрос этот был поставлен с большой широтой в работах И. И. Мещанинова в связи с теорией понятийных категорий, к которым он относил понятие агенса и пациенса, атрибутивности, посессивности и т. д.⁷. Обращает на себя внимание и выделение признаков, являющихся постоянными, универсальными для определенного синтаксического типа; такие признаки И. И. Мещанинов намечал в своих исследованиях по эргативному и номинативному строю⁸. Довольно любопытно, что в современных работах по универсалиям повторяются даже те же понятийные единицы, которые были в 30—40-е годы в центре внимания И. И. Мещанинова и его учеников, преимущественно в связи с изучением различий в оформлении субъектно-предикативно-объектных отношений. Не менее любопытно, что внимание вновь привлекает соотношение эргативной и номинативной конструкций⁹; однако в современных зарубеж-

⁵ Ср.: Y. Kurylowicz, *Universaux linguistiques*, «Preprints», Bologna, 1972, стр. 20—27; H. Seiler, *Universals of language*, там же, стр. 28—47.

⁶ В отношении социологии языка это неоднократно отмечалось в работах советских авторов; ср. М. М. Гухман, Н. Н. Семениук, *О социологическом аспекте рассмотрения немецкого литературного языка*, сб. «Норма и социальная дифференциация языка», М., 1969, стр. 5—7; см. также: А. Д. Швейцер, *Американская социолингвистика*, М., 1972.

⁷ И. И. Мещанинов, *Члены предложения и части речи*, М., 1945, стр. 195—198; его же, *Понятийные категории*, «Труды Военного института иностранных языков», 1, 1945.

⁸ И. И. Мещанинов, *Общее языкознание*, Л., 1940.

⁹ Ср.: Ch. Fillmore, *The case for case*, «Universals in linguistic theory», New York, 1968; W. L. Chafe, указ. соч., стр. 232—233.

ных работах проблема ставится и решается на значительно более ограниченном материале с привлечением преимущественно изолированных явлений, без рассмотрения всей системы признаков-координат, что было столь характерно для трудов И. И. Мещанинова¹⁰. Необходимо сделать еще одну оговорку: советские исследователи, работавшие в этом направлении, считали основной своей задачей не столько обнаружение общего, «универсального», сколько раскрытие прежде всего специфических форм реализации этого общего. Если выразить эту мысль в современных терминах, то можно сказать, что установление какого-либо инварианта на любом участке человеческого языка отнюдь не расценивалось тогда с точки зрения возможности построения некой абстрактной модели, оно было лишь средством обнаружения и лучшего познания диалектической связи общего и частного. Именно эта черта отграничивает советские работы данного направления не только от логико-грамматических построений структурализма 30-х годов, но и от работ по универсалиям последнего десятилетия.

2. Определяя место универсалий в лингвистических исследованиях, можно выделить две задачи, решение которых в той или иной степени связано с универсалиями: 1) построение универсальной модели естественного языка и 2) изучение тех типовых модификаций и вариантов, в которых реализуются многие универсальные категории, признаки и свойства языка. Первая задача относится к общей теории языка, вторая — к сфере типологии. Такие «полные универсалии», как логико-грамматическое членение предложения, или категории агенса и пациенса, или атрибутивность и принадлежность, в равной степени как и противопоставление слоговых и неслоговых фонем, и т. д., как бы переходят в другой ключ, если изучается существенная вариантность в их реализации. Переход к типологии обусловлен переключением от рассмотрения, как и признаки являющегося универсальными, к анализу, как реализуются те элементы и свойства, которым приписывается статус универсалий, так как типология прежде всего занимается качественными различительными характеристиками. Именно в этом случае универсалия выступает как некий обобщенный инвариант, модификации которого могут оказаться типологическими признаками языков. Тем самым признается, что существует значительный класс полных универсалий, которые участвуют в построении обеих моделей — универсальной модели языка и типологически характеризованных моделей разных языков¹¹.

Иное положение занимают так называемые импликационные универсалии и иным является их отношение к типологии. По самой своей сущности они представляют собой один из контрастных вариантов более общего или даже универсального признака или свойства, который может быть противопоставлен другому, столь же возможному варианту. Так, например, существует определенная и, по-видимому, даже обязательная зависимость между статусом агенса и пациенса в языке. Наблюдения, т. е. индуктивные приемы анализа, показали наличие определенной взаимной зависимости в их структурных характеристиках. Это может быть выражено в ряде импликационных универсалий: «Если в языке имеются различия в оформлении падежа производителя или носителя признака у разных классов глаголов (ср. в аварском языке различие в оформлении производителя признака при переходных и непереходных глаголах, глаголах аффекта,

¹⁰ См. в этой связи характеристику типологических изысканий И. И. Мещанинова в ст.: М. М. Г у х м а н, Типологические исследования, сб. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, стр. 77.

¹¹ Вряд ли поэтому можно согласиться с Зайлером, который исключает типологическое сравнение из сферы универсалий (см.: Н. S e i l e r, указ. соч., стр. 31).

обладания, восприятия), то нулевая форма или абсолютный падеж закреплен за субъектом одного класса глаголов и за объектом другого класса», или в иной формулировке — «если в языке имеется различие в оформлении производителя признака (агенса) у разных групп глаголов, то в нем отсутствует общее специализированное оформление пациенса или объекта, так как неформленный падеж может выступать при одних глаголах в функции субъекта (например, при непереходных глаголах в баскском языке), при других глаголах — в функции объекта (переходные глаголы в том же языке)». Имплицитно эта характеристика соотнесена или противопоставлена другой закономерности, носящей столь же ограниченный характер: «Если в языке имеется единственная обобщенная форма обозначения деятеля при глаголах любой семантики, то обычно имеется и специализированная форма обозначения прямого объекта». Очевидно, ни один из этих вариантов не может быть включен в обобщенную модель естественного языка, поскольку каждая из приведенных «неполных универсалий» является типологически ограниченной — она выделяет известную совокупность типологических признаков, характеризующих определенную группу языков в отличие от других языков. Условно такие общие закономерности можно было бы назвать типологическими универсалиями.

Однако сформулированные в такой форме типологические универсалии отражают лишь самую обобщенную схему зависимостей. В реальных языках данные структурно-семантические отношения получают разное материальное оформление в зависимости от их строевых особенностей, ср. в применении к языкам эргативного строя: 1) наличие или отсутствие изменения по падежам; 2) наличие или отсутствие полиперсонного спряжения; 3) наличие или отсутствие деления имен на классы и в связи с этим наличие или отсутствие классных показателей в спрягаемой форме; 4) наличие разных группировок глаголов, влияющих на оформление агенса и пациенса; 5) возможность полного или частичного охвата глагольной парадигмы данной схемой. К тому же последовательность реализации всей суммы признаков, отличающих конкретную типологическую универсалию, весьма относительна в строе языков, объединяемых в один тип. Еще И. И. Мещанинов указывал, характеризуя типологически грузинский язык, что в этом языке «мы наблюдаем как бы борьбу номинативного строя предложения с пережиточно сохранившимся эргативным построением»¹². В качестве противоположных типологических параметров отмечались не только разное оформление субъектно-объектных отношений в презентной и аористной группах времен, но и наличие страдательного залога, к тому же в аористе, где в активе господствует эргативное построение. Наличие же пассива наряду с единой формой обозначения агенса у разных классов глаголов обычно является показателями номинативного строя.

Типологически релевантные неполные универсалии представляют собой по сути дела обобщенную модель, типологический эталон, освобожденный от частных вариантов и отступлений. Смысл выделения подобного инварианта заключается в том, что только с его помощью может быть обнаружено и более полно изучено соотношение общих типологических закономерностей и конкретного многообразия их преломления в языках, т. е. только этим путем может быть решена важнейшая задача любого типологического исследования.

Раздельное рассмотрение полных и импликационных универсалий показало, что их соотношение с типологическими характеристиками языка и процедура их использования в типологических исследованиях различны.

¹² И. И. Мещанинов, *Общее языкознание*, стр. 217; еще ранее Н. Я. Марр указывал, что «чистых» типов языка не существует.

В отличие от импликационных или ограниченных универсалий, которые могут непосредственно участвовать в типологических характеристиках, выступая в определенных случаях как единицы измерения типологического сходства и различия, полные универсалии часто лишь опосредованно включаются в типологию, причем в этом участвует серия ограниченных универсалий: ср. приведенную полную универсалию о взаимосвязанности оформления агенса и пациенса и ограниченные или импликационные универсалии, отражающие закономерности а) эргативного типа построения предложения, б) номинативного типа построения предложения.

Вместе с тем в определенных случаях серия импликационных универсалий дает основание для построения полной универсалии. Так, например, сопоставление импликационных универсалий, содержащих наборы взаимосвязанных признаков флективного, агглютинативного и аморфного типов языка¹³, подводит к выводу, что существует обязательная зависимость способов выражения грамматических значений от структуры слова. Этот вывод является своего рода полной универсалией, полученной при сравнении типологически ограниченных универсалий, т. е. в конечном итоге индуктивным путем¹⁴. Бесспорно полные универсалии, соотносимые с ограниченными или типологически характеризованными универсалиями, обладают крайне обобщенным значением, весьма бедны по своему содержанию и в известной степени мало информативны. Особенно ясно эта черта данной группы полных универсалий проявляется при сопоставлении с типологическими универсалиями, являющимися их модификациями или вариантами.

3. Одной из дискуссионных проблем, непосредственно связанной с определением задач и содержания типологических исследований, является вопрос о типологической релевантности тех вариантов и модификаций, в которых может реализоваться полная универсалия. Проблема эта неоднократно рассматривалась в работах Р. Якобсона, В. Скалички, П. Сгалла¹⁵ и др. Частично с этим было связано и уточнение самого термина «тип языка». Не останавливаясь здесь на истории вопроса, отметим лишь, что лингвистическая типология может рассматривать 1) типы языков и 2) типы реализации отдельных более или менее универсальных категорий. Первая задача значительно более сложна, ибо она предполагает наличие не одного случайного признака, а совокупность, систему существенных признаков, формирующих данный тип языка в отличие от другого типа. То

¹³ Конечно, каждый из этих типов, в равной степени как и наборы устанавливаемых признаков, является лишь обобщенной моделью, своеобразным эталоном, освобожденным от частных вариантов и отступлений. И в данном случае сохраняет силу утверждение о том, что не существует чистых типов.

¹⁴ В этой связи хотелось бы отметить дискуссионность положений, высказанных Э. Косериу, а затем поддержанных Е. Куриловичем в докладе на XI конгрессе лингвистов 1972 г. Косериу разграничивает общие языковые категории, обнаруженные в результате наблюдения над разными языками, и собственно универсалии, т. е. категории, присущие языку как таковому. Процедура обнаружения подлинных универсалий является, по мнению Косериу, чисто дедуктивным процессом (см.: E. Coşeriu, Über Leistung und Grenzen der kontrastiven Grammatik, сб. «Probleme der kontrastiven Grammatik», Düsseldorf, 1969, стр. 29—30). Между тем вопрос о соотношении индуктивного и дедуктивного методов анализа при обнаружении и описании универсалий значительно более сложен: оба метода чередуются на разных стадиях изучения универсалий. Сведение же универсалий к ограниченной группе постулатов (в докладе Куриловича в качестве универсалии рассматривается, например, наличие в любой речевой ситуации говорящего и адресата высказывания) мало перспективно. Размеры статьи не позволяют остановиться на этих вопросах подробнее.

¹⁵ Ср.: Р. Якобсон, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963; V. Skalická, Zur ungarischen Grammatik, Praha, 1935; ег о ж е. К вопросу о типологии, ВЯ, 1966, 4; P. Sgall, On the notion «type of language», «Travaux linguistiques de Prague», 4, 1971.

обстоятельство, что в естественных языках чистые типы встречаются сравнительно редко, не влияет на определение задач типологии, поскольку имеется в виду, что в системе естественного языка все же признаки одного типа образуют доминанту, тогда как другие типологические черты лишь неполно и спорадически присутствуют. Подобной постановке вопроса не противоречит и существование «переходных» (в типологическом отношении) языков. Но именно для решения этой первой и наиболее сложной задачи особое значение имеет отбор самих универсалий, варианты которых способны структурировать тип языка.

Так, например, понятийная категория модальности, по-видимому, универсальна. Нет и не может быть высказывания, содержание которого было бы «не модально». Это понятийное содержание может выражаться разными языковыми средствами: модальными словами, более или менее развитой системой наклонений, интонацией, транспозицией некоторых временных форм, например, футурума в немецком языке. Однако то или иное средство не закреплено за какой-либо группой языков: нередко наблюдается сосуществование нескольких средств в одном и том же языке, но удельный вес каждого средства, частотность употребления могут быть нетождественными даже в близкородственных языках¹⁶. Сопоставление различий в системе средств выражения модальности в разных языках, а особенно различий их значимости бесспорно имеет познавательный интерес, но вряд ли может служить типологической характеристикой, в частности ввиду отсутствия необходимой для такой характеристики структурной отмеченности в их распределении.

Очевидно, и логико-грамматическое членение предложения, основанное на противопоставлении нового и данного, должно существовать в любом языке и может быть отнесено к универсалиям. Эта универсалия проявляется по-разному в зависимости от строевых особенностей языка: в литературе отмечалось использование артиклей, залоговых форм, фразового ударения, специальных формативов, порядка слов. Одни из этих средств имеют широкое распространение, как, например, фразовое ударение, другие ограничены: артикли, залоговые, специальные формативы. В этой связи возникает в свою очередь вопрос, в какой степени средства выражения логико-грамматического членения предложения являются типологическими параметрами. И в этом случае само сосуществование в одном языке разных средств выражения этой смысловой категории, отсутствие стратификации по разным языковым группам, т. е. отсутствие четкой типологической отмеченности, препятствует отнесению этих средств выражения одной и той же смысловой категории к параметрам, позволяющим выделять тип языка.

В приведенных примерах модификации средств выражения рассматриваемых универсалий образуют типологию отдельной, хотя и весьма важной, универсальной категории, но вряд ли можно утверждать, что эти модификации представляют разные типы языков и образуют некие типологические универсалии. Аналогичен статус таких универсалий, как атрибутивность, повесивность, число и т. д. Большинство этих универсалий представляет собой существенные, в известной степени основные понятийные категории, получающие разную реализацию в конкретных языках. Изучение этих реализаций входит в задачу типологических исследований, хотя они и не дают характеристики языкового типа, если рассматриваются изолированно. Впрочем, опыт показывает, что некоторые категории, рассматривавшиеся первоначально изолированно, в процессе

¹⁶ Ср.: Л. С. Е р м о л а е в а, Система средств выражения модальности в современных германских языках (на материале немецкого, английского, шведского и исландского языков). АКД, М., 1964.

дальнейшего изучения оказывались включенными в сеть признаков-координат, как это было с делением имен на класс активных и пассивных объектов или как получилось с категорией неотделяемой принадлежности: признаки эти, по-видимому, исторически восходят к системе категорий так называемого активного строя¹⁷.

Для статуса полных универсалий этого класса, т. е. для «изолированных» универсалий, все же характерно, что варианты в их реализации не образуют типологических универсалий; утверждение это относится как к тем случаям, когда эти варианты сосуществуют в одном и том же языке (ср. модальность), так и к тому случаю, когда они противопоставлены (ср. типологию категории принадлежности или обладания). Но имеются и известные различия: во втором случае, при условии возможного включения в сеть признаков-координат определенного языкового типа, они могут стать компонентами типологической универсалии, в данном случае активного строя, как это было с категорией неотделимой принадлежности, противопоставляемой принадлежности отделимой; впрочем реликты этой оппозиции наблюдаются даже в древнегреческом в противопоставлении медиума и актива.

Вместе с тем, следует отметить, что и неполные или импликационные универсалии, строящиеся обычно не на основе одного изолированного признака, но включающие известное соотношение по крайней мере двух признаков, бывают нередко типологически мало информативны, ибо касаются поверхностных и частных явлений. Ср., например, утверждение: «Если местоименный объект следует за глаголом, то за глаголом следует и именной объект»¹⁸ или «В том случае, если глагол согласуется с именным объектом в роде, он согласуется с ним и в числе»¹⁹ и т. д. Конечно, вопрос о том, какие признаки являются важными и существенными, а какие из них — частными и поверхностными, можно считать до известной степени спорным: закономерности порядка слов могут оказаться столь же важными, как и смысловая структура предложения, решающим является то, как рассматривается эта структурная черта, включается ли она в определенную систему признаков, какова ее смысловая нагрузка, ее функция в построении высказывания.

Для выделения языковых типов, а, быть может, и для типологии отдельных категорий, приведенные выше универсалии, по-видимому, мало перспективны. Следовательно, и среди импликационных или неполных универсалий выделяются универсалии типологически релевантные (ср. выше о соотношении агенса и пациенса) и универсалии, типологически мало информативные, а следовательно, и нерелевантные. По-видимому, только первые следует определять как типологические универсалии.

Разграничение задач, связанных с изучением типологии отдельных категорий, с одной стороны, и типов языка — с другой, отнюдь не вносит какой-либо оценочный момент в рассмотрение этих двух онтологически между собой связанных объектов типологии. К тому же сведение типологии только к классификации языков вряд ли было бы правильным, поскольку общей задачей, общим содержанием типологических исследований является, как это и отмечалось выше, изучение соотношения общего

¹⁷ См.: Г. А. К л и м о в, К характеристике языков активного строя, ВЯ, 1972, 4.

¹⁸ Д ж. Г р и н б е р г, Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов, сб. «Новое в лингвистике», V, М., 1970, стр. 136.

¹⁹ Там же, стр. 139; ср. в этой связи справедливое замечание С. Д. Кацнельсона в адрес типологии отдельных изолированных универсалий: «закономерности, характеризующие систему в целом, выпадают из ее поля зрения... место данной универсалии в системе, ее внутрисистемный „смысл“ остаются невыясненными» (С. Д. К а ц н е л ь - с о н, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 10).

и частного, отдельного, исследование того, как это вообще различно реализуется в языке.

Выделение импликационных или типологических универсалий, образующих основу моделирования типов языка как на формальном, так и на смысловом уровне, предполагает существование сети взаимосвязанных категорий, получающих разную реализацию в строе разных групп языков. Системный подход в применении к типологии был впервые сформулирован Н. Я. Марром еще в 1927 г. в связи с рассмотрением старой морфологической классификации. Отмечая, что один признак не может служить критерием выделения языкового типа, Марр указывал, что необходимо наличие признаков-координат, которые в сумме определяют тот или иной языковой тип. В качестве примера приводились следующие характеристики так называемого аморфного строя: 1) аморфность, то есть отсутствие морфологии, 2) моносиллабизм (односложные слова), 3) синтетический строй, 4) отсутствие (или плохая дифференцированность) частей речи и 5) полисемантизм²⁰. Как известно, Марр пытался включить старую трехчленную морфологическую классификацию языков в схему единого глоттогонического процесса. Произвольность этих построений не нуждается в доказательствах. С другой стороны, понятие замкнутого, «чистого» языкового типа само по себе уязвимо, что неоднократно отмечалось многими лингвистами²¹. Однако для понимания задач и содержания типологии важно положение о непригодности единичных изолированных признаков в качестве типологических параметров. Идея эта получила широкое распространение и развитие независимо от Н. Я. Марра. Определяя свое понимание типологии, прагматисты писали в известном представлении VI Международному лингвистическому конгрессу: «Типология учитывает общую структуру языка: избегая обращения к изолированным чертам сходства или различия, типология рассматривает все особенности языка в их иерархии»²². Изучение «взаимообусловленности отдельных элементов языковой структуры» считал одной из важных задач и Л. В. Щерба. Значительно позднее и в новых формулировках положение это всплывает в работах Р. Якобсона и В. Скалички²³.

В советском языкознании системный подход при выделении типологических характеристик получил развитие в 30—40-е годы в работах лингвистов ленинградской школы, особенно в трудах И. И. Мещанинова и С. Д. Кацнельсона²⁴. Вряд ли поэтому можно согласиться с критикой самого принципа синтаксической классификации в последней работе С. Д. Кацнельсона²⁵. Различие эргативной и номинативной конструкций проявляется в столь существенной совокупности взаимообусловленных признаков, что оправдано было употребление И. И. Мещаниновым впоследствии терминов «номинативный строй языка», «эргативный строй языка». Более поздние работы показали, в частности, возможность реконструкции модели-эталона каждого строя с максимальным набором характерных для этого строя признаков, что не противоречит существованию в языках—представителях этого типа иноструктурных черт и не снимает возможности существования в языках другого строя отдельных характер-

²⁰ Н. Я. Марр, Яфетическая теория, Баку, 1927, стр. 132.

²¹ Ср.: В. Скаличка, К вопросу о типологии; С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 6—7.

²² И. Вахек, Лингвистический словарь Пражской школы, М., 1964, стр. 244.

²³ Р. Якобсон, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, сб. «Новое в лингвистике», III; В. Скаличка, указ. соч.

²⁴ И. И. Мещанинов, Общее языкознание; С. Д. Кацнельсон, Историко-грамматические исследования, М.—Л., 1949.

²⁵ С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, стр. 7.

ных признаков эргативного языкового типа. Было бы весьма нежелательно, если бы отрицание существования «чистых» типов, ставшее в настоящее время уже лингвистическим truизмом, привело к атомизму в типологии. Впрочем, С. Д. Кацнельсон сам далек от атомизма: «Ни один структурный признак, изъятый из системы языка и рассматриваемый в отдельности, — пишет он, — не может... отразить все многообразие элементов языкового строя и его типологические особенности»²⁶. И хотя действительно мы не имеем идеальной характеристики ни одного типа языка, наиболее близки к этому идеалу те построения, которые основываются на комплексе взаимосвязанных элементов, будут ли эти элементы относиться к формальной или содержательной стороне языка, анализируются ли морфологическая, лексическая или синтаксическая типологии.

4. Типологические универсалии, включающие систему признаков-координат, могут характеризовать оба аспекта языка — его формальную и смысловую структуру.

К первому разряду, в частности, относятся те структурные признаки, которые соотнесены с типологией словоизменительных систем. Так, например, контрастное сопоставление принципов построения отдельных словоформ и целостных парадигм в древних индоевропейских языках, с одной стороны, и в тюркских языках или в китайском языке, с другой стороны, позволяет выделить для древней модели индоевропейского словоизменения совокупность признаков, среди которых отмечаются: 1) господство многосложных словоизменительных форм; 2) комплексность содержания простого словоизменительного показателя, выражающаяся в том, что его знаковую структуру образуют несколько граммем, ср. латинскую форму *laudō* «хваляю», где *ō* включает граммемы лица (1-е лицо), числа (ед. число), наклонения (индикатив), время (презенс); следовательно, смысловая и морфемная структуры простого словоизменительного показателя не изоморфны; 3) возможная подвижность или вариативность в словоизменительной парадигме корневой и основообразующей морфем, ср. значимое чередование гласных корня в глагольных парадигмах греческого и германских языков, чередование гласных в основообразующих суффиксах именного склонения во всех индоевропейских языках; 4) особое соотношение в словоформах между лексической основой и словоизменительным показателем, так как сама основа оказывается фонетически не стабильной, но изменяемой величиной; 5) избыточность в построении словоформ, проявляющаяся в наличии двух или более морфов для обозначения одного и того же содержания в пределах одной и той же единицы: в греческом языке противопоставление форм перфекта формам презенса осуществлялось путем изменения корня (редупликация, аблаут) и различием личных окончаний, а в группе тематических глаголов еще и противопоставлением презентной тематической основы атематической основе перфекта, ср. *λείπω* «оставляю» — *λείποντα* «оставил»; 6) особенности в фономорфологической структуре слов, выражающиеся в несоподчинении морфемной и слоговой членности; 7) существование вариантов или классов в пределах именной и глагольной парадигматики, что обусловило разветвленную синонимию словоизменительных форм.

Внутри приведенного набора признаков одни являются ведущими, другие — подчиненными, или относительно независимыми. Так, по-видимому, пункт третий обусловил до известной степени существование пункта четвертого, седьмого, пятого; пункт шестой соотнесен с пунктом третьим и четвертым и т. д. Иными словами фономорфологическая структура слова и словоизменительный тип оказываются взаимосвязанными.

²⁶ Там же.

Если определить данную совокупность фonomорфологических и словоизменительных признаков условно как флективную типологию, то возникнет ряд вопросов: а) образует ли совокупность всех этих признаков или их части некий инвариант, который можно было бы рассматривать как типологическую универсалию, противопоставляемую другой типологической универсалии? б) какие из отмеченных признаков выступают в ином окружении и какие являются характерными для данного словоизменительного типа? Выделить некую типологическую универсалию, хотя бы охватывающую относительно небольшое число языков, можно будет только в том случае, 1) если совокупность опорных признаков будет иметь не случайный, а закономерный характер, и 2) если этому набору признаков будет противопоставляться словоизменительная модель, характеризованная противоположными чертами: например, 1) отсутствием в смысловой структуре простого (одноморфемного) показателя нескольких граммем, следовательно, наличием изоморфизма между смысловой структурой показателя и его морфемной структурой; 2) отсутствием значимой подвижности корневой и основообразующей морфем в именном и глагольном словоизменении; 3) иным соотношением между лексической основой и словоизменительным показателем, поскольку основа остается стабильной; 4) отсутствием избыточности в построении словоформ. Будет ли такой тип в терминах традиционных классификаций называться агглютинирующим или как-нибудь иначе — не столь существенно. Важно другое — наличие словоизменительной модели иного типа, чем рассмотренная выше. И в отношении этой второй модели сохраняет значение весь круг проблем, отмеченных ранее; и те же условия предопределяют возможность отнесения перечисленных признаков-координат к одной из типологических универсалий²⁷. Имеются ли такие предпосылки — должны показать специальные исследования, основанные на большом эмпирическом материале.

Значительно сложнее комплекс проблем, связанных с типологическими универсалиями, ориентированными на содержательную сторону языка. Какие содержательные категории, обладающие статусом универсалий, должны быть при этом отобраны? К какому уровню анализа должны относиться, например, содержательные компоненты высказывания, которые могут быть использованы в качестве типологических параметров семантико-синтаксической характеристики языка? В какой степени и как должны в этой связи разграничиваться внеязыковая ситуация и языковой факт?

Вопросы эти, сами по себе достаточно сложные, приобрели особую остроту в связи с так называемой теорией поверхностных и глубинных структур, еще более осложнившей анализ содержательных категорий языка. Наблюдается тенденция подменить анализ содержания языковых категорий анализом ситуаций, которые нередко и выступают в функции глубинных структур. Наиболее прозрачны и поэтому уязвимы в этом отношении приемы анализа значения падежей в работе Филлмора²⁸. Так, например, сопоставляя предложения *Джон открывает зверь ключом* и *Ключ открывает дверь*, автор

²⁷ Автору данной статьи может быть сделан упрек, что здесь делается попытка «воскресить» старую «отжившую» классификацию. Однако отрицание существования «чистых» флективных или агглютинативных языков отнюдь не снимает вопроса о различных словоизменительных типах, выделение которых основывается не на таких внешних признаках, как флексия или агглютинация, а на значительно более существенных отношениях. В этой связи можно до известной степени согласиться с П. Сталлом, утверждавшим, что в морфемике и поверхностных структурах (? — М. Г.) особенно четко выделяется специфика языкового моделирования (Р. S g a l l, указ. соч., стр. 83).

²⁸ Ch. Fillmore, указ. соч.

приходит к выводу, что, поскольку ключ всегда является инструментом и не может выступать в роли агента, в основе обоих предложений лежит единая глубинная структура, которую Филлмор называет «инструменталь». При этом сознательно игнорируются структурные различия, отнюдь не сводящиеся только к различию падежных форм, но и к различному числу участников процесса: они относятся к вторичным, несущественным элементам. Между тем, для содержания языковых единиц, входящих в состав двух приведенных выше предложений, важно, что лицо, т. е. одушевленный субъект в первом предложении (*Джон*), и не лицо, предмет, во втором предложении (*ключ*), оказываются по своей позиции в одинаковом отношении к предикцируемому признаку, иными словами, *ключ* «ведет себя», как *Джон*, занимая положение производителя признака.

Подобная «метафоричность», связанная с «неиконическим» отображением реальной ситуации и, в частности, с определенной формализацией содержания агенса, с выветриванием его конкретного значения, присуща отнюдь не всем языкам. Иные закономерности со строгим разграничением «поведения» имен активного и инактивного класса и определенными правилами их сочетаемости с разными классами глаголов прослеживаются в большой группе типологически однородных языков, отнесенных Г. А. Климовым к языкам активного строя²⁹. Следовательно, рассмотренная выше черта в построении двух предложений, оказавшаяся затемненной приемами анализа глубинных структур, является одним из семантических признаков предложения в таких языках, как русский, английский и т. д. Поскольку та же закономерность свойственна многим известным языкам, она может стать одним из типологических параметров тех языков, которые не обладают семантическими признаками активного строя.

Пренебрежение к специфике «поверхностных структур», непомерно расширяя круг семантических языковых универсалий, вместе с тем «смазывает» типологическую отмеченность анализируемых явлений; на уровне глубинных структур типологически отличное оказывается совершенно снятым. По-видимому, этим объясняется появление в последние годы ряда работ, доказывающих наличие или даже развитие эргативности в английском языке³⁰. Нетрудно заметить, что в этих работах эргативность, хотя она и понимается не вполне одинаково, лишена тех признаков, которые составляют ее специфические черты, рассматриваемые авторами как поверхностные структуры (различия в оформлении субъекта переходного и непереходного глагола, особенности согласования и т. д.)³¹.

Сущность, или глубинную структуру, эргативности Халлидэй, например, видит в том, что в любом предложении, оформленном по модели предложения действия (*action clause*), производитель признака мыслится как аффицированный процессом³².

Тем самым автор пристраивает до известной степени к пассивной интерпретации эргативного построения предложения, но в своеобразном варианте. Так, модель предложения типа *I like him* рассматривается как эргативная, поскольку активная поверхностная структура скрывает пассивность, аффицированность лица. Поэтому, замена более ранних безличных конструкций типа *Me likať* в современном английском языке личными конструк-

²⁹ Г. А. Климов, указ. соч.

³⁰ Ср.: Y. Anderson, Ergative and nominative in English, «Journal of linguistics», 1968, 4; M. A. K. Halliday, Notes on transitivity and theme in English, «Journal of linguistics», 1967, 3, 1968, 4; его же, Language structure and language function, «New horizons in linguistics», ed. by J. Lyons, Baltimore, 1971; J. Lyons, Introduction to theoretical linguistics, Cambridge, 1971, стр. 350—359.

³¹ Ср.: J. Lyons, указ. соч., стр. 358.

³² M. A. K. Halliday, Language structure and language function, стр. 157—158.

циями рассматривается как развитие эргативности. В действительности имелся, по-видимому, обратный процесс: замена безличной конструкции при глаголах аффлекта, существовавшей в разных индоевропейских языках³³, личными конструкциями была звеном в универсализации схемы предложения — имя в общем падеже + личная форма глагола.

Между тем для языков с эргативной конструкцией предложения характерно именно различие построения предложения при разных категориях глагола, в частности, в картвельских языках и в аварском при глаголах аффлекта носитель признака стоит в дательном падеже: ср. авар. *Vaɟ-ace žindirgo lʒimer bokʒula* «Брат любит своего ребенка» (буквально: «брату любится свой ребенок»). Не касаясь вопроса о том, какой член этого предложения является подлежащим, отметим особенность оформления носителя признака. В грузинском по этой схеме строятся не только предложения с глаголами определенной семантики, но и с любым переходным глаголом в так называемой третьей (перфектной) группе времен.

Малоубедительны и соображения, высказанные все по поводу той же эргативности в современном английском языке Лайонзом. И здесь пренебрежение к так называемым поверхностным структурам привело к отождествлению типологически разных синтаксических образований. Поскольку основными особенностями эргативного построения предложения считаются а) различие в позиции субъекта у переходных и непереходных глаголов и б) совпадение позиций субъекта непереходного и объекта переходного глаголов, Лайонз полагает, что аналогичные закономерности лежат в основе построения двух моделей английского предложения с теми глаголами, которые могут употребляться в безобъектном и объектном построении: ср. его примеры *The stone moved — John moved the stone* (буквально: «камень двигался» и «Джон двинул камень»). Сопоставление этих примеров приводит к выводу, что в современном английском языке транзитивное построение может образоваться из интранзитивного при помощи «эргативной трансформации»³⁴, причем субъект интранзитивного глагола становится объектом транзитивного глагола, а новый эргативный (?) субъект вводится для обозначения агенса или причины процесса. Столь своеобразное понимание эргативности и связанное с ним сближение построения эргативного предложения в эскимосском с построением английских предложений, рассмотренных выше, стало возможным только вследствие одностороннего рассмотрения структуры предложения в типологически разных языках. Весьма характерно в этой связи замечание, что в индоевропейских языках эргативность «затемнена» падежными отношениями и типом согласования, но эти признаки — явления лишь поверхностной структуры³⁵.

Таким образом, отрыв семантико-синтаксических связей от закономерностей их структурирования ведет к искажению смыслового содержания самих построений. К тому же такие «внешние» или «поверхностные» показатели, как наличие или отсутствие универсальной модели построения предложения, наличие или отсутствие зависимости между оформлением предцируемого признака и семантическим классом глагола, наличие или отсутствие зависимости между семантическими классами глаголов и пове-

³³ М. М. Г у х м а н, Конструкция с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков, в кн.: «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967.

³⁴ J. L y o n s, указ. соч., стр. 352.

³⁵ Там же, стр. 365, 358. Иначе, с учетом семантических различий в оформлении соотношения процесса (глагола) и именных компонентов высказывания в языках номинативного и эргативного (активного) строя рассматривает эти проблемы Чейф (ср.: W. C h a f e, указ. соч., стр. 230—233).

дением субъектов, мыслимых при этих глаголах, не только являются показателями определенных структурных типологических различий, но и раскрывают разные типы языкового моделирования одной из основных семантических доминант — соотношения процесса и его участников (актантов).

Разновидности языкового моделирования этой семантической доминанты образуют параметры содержательной типологии языков. Этим обусловлена перспективность дальнейшей разработки синтаксической типологии при условии расширения ее проблематики и пополнения набора привлекаемых содержательных категорий, в частности, связанных с лексико-грамматической характеристикой процесса и его актантов. Одной из задач типологических исследований в этой области является анализ соотношения формальных особенностей предложения (состава его членов, их структурной характеристики) и его семантического каркаса; важнейшим конституентом последнего и является отмеченная выше доминанта. Семантический каркас предложения относится к уровню языковых значений, но не к уровню внеязыковых ситуаций, получающих отражение в языке.